

ной тишине, как мы говорим, «под шорох своих шагов». Разная бывает публика. Одним кажется смешным одно, другим — другое. Иногда замечаешь: кто-то из зрителей сидит — не смеется. Как будто подзадоривает — а ну, попробуй, рассмеши меня! Идет одна реприза, другая, третья — бесполезно. И вдруг засмеется там, где и шуток-то не очень смешная. А ему весело. Нашел, значит, человек «свой» юмор.

ЭТО юмор бывает иногда очень своеобразным. Не будем ханжками. Давайте вспомним, сколько раз мы смеялись над глупыми анекдотами, улыбались двусмысленным шуткам. Этот сорт смеха доступен всем, и в первую очередь людям, не понимающим настоящего, внутреннего юмора.

Один «остряк»-киноактер, привезший на студию коробки с отснятой, но еще не проявленной киноплёнкой, на вопрос директора картины: «Ну что, все в целости и сохранности?» — ответил: «Да, я проверил, открыл коробки, плёнка на месте». И потом добавил: «Я пошутил». Но этого уже

чем-то он прав, потому что на манеже за считанные минуты должно разыграть целое действие, законченное по сюжету, со своей кульминацией, своими диалогами... смешное! Цирку нужны авторы, которые бы тонко чувствовали специфику такой «молниеносной» драматургии.

Бывает, что клоунаду пишет сам клоун. Это и понятно. Ведь даже готовую репризу он будет приспосабливать к себе, к тому традиционному характеру персонажа, с которым он выступает. И начинаются муки творчества. Бывает, что реприза рождается из какой-нибудь сценки на улице, из случайно оброненной фразы. Может, толчком к новой клоунаде станет карикатура. Но так бывает не всегда. Я помню, как долго бились мы в бесполезных попытках «приручить» для цирка рисунки Бидструпа.

На задачу создания умного и смешного номера работает и реквизит современного клоуна. Это средство для создания художественного образа. И здесь проявляется еще одна особенность клоуна: он «оживляет» предметы. Я помню,

Юрий НИКУЛИН,
народный артист РСФСР

КОГДА СМЕЕТСЯ ЗРИТЕЛЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КЛОУНАДЕ

никто не слышал — директор лежал в обмороке.

А клоун, один из тех немногих, которые и сегодня напоминают «ряженых» из ярмарочных балаганов, на вопрос, много ли зрителей в цирке, отвечал: «Очень даже масса».

Что может дать такой клоун зрителю?

Современная клоунада должна воспитывать вкус к шутке, тем более что требовательность зрителей постоянно растет.

Сегодня уже можно говорить о новом типе советского клоуна, который «очеловечил» трюки, принес в цирк свое гражданское отношение к людям и обществу. И, конечно, не случайно, что интерес к человеческой личности, характерный для всего нашего искусства, «заразил» и цирк.

В Америке мне довелось видеть совсем иных клоунов. Это какие-то люди-роботы, с жесткими, механическими движениями, без всякого намека на то, что мы называем душой. Мы же считаем, что клоун в любом утрированном costume должен быть прежде всего живым человеком. Человеком, которого волнуют любые проблемы, большие и маленькие. И отличается клоун от зрителей тем, что он на эти проблемы дает ответы языком своего оригинального искусства. Вот почему так важна современность в клоунаде.

ЦИРКОВАЯ клоунада должна быть развлекательной и сатирической одновременно. Буффонада в ней должна сочетаться с социальной темой, то есть содержать то, что полностью отсутствует в американском цирке. Реприза может быть часто и лирической. Такие клоунады есть в цирке, но их мало. Сочетание смешного и серьезного совсем не просто. Литература знает блестящие образцы таких произведений. К сожалению, не всегда юмор литературного произведения можно перевести на язык другого искусства. Вспомним хотя бы экранизацию «Золотого теленка». Один драматург сказал: «Мне легче написать пьесу, чем клоунаду». И в об-

как выходил на арену клоун Сергеев, весь реквизит которого заключался... в стуле. Но столько выдумки вкладывал он в свою работу, так это было здорово, так смешно!

За каждым пятью минутами смеха, за каждым новым образом, созданным клоуном, стоит большая работа. Споры, поиски, находки. Современный клоун ищет не только внешние, гротесковые жесты. Он осмысливает внутренний мир своего героя. Именно этот интерес к человеческой личности позволил клоуну шагнуть за манеж, почувствовать общность таких, казалось бы, разных искусств, как цирк и кино.

У СОВРЕМЕННОЙ клоунады и кинокомедии много общего. И прежде всего стремление к синтезу смешного и серьезного, к реальности комических персонажей.

Конечно, у кино свои возможности. И, первый раз попав на съемочную площадку, я как-то интуитивно почувствовал, что здесь можно «досказать» то, что не укладывается в рамки цирковых номеров. Как и везде, здесь тоже свои плюсы и минусы. Миллионы зрителей — это плюс. Зато в цирке на любую остроту или репризу получаешь мгновенную реакцию зрителей, и, если что не так, можно исправить к следующему представлению. В кино ничего не исправить. Несмешные копии кинокомедии пойдут гулять по свету. Если бы заранее можно было предвидеть, где зрители засмеются! Я знаю случаи, когда на съемках кинокомедий смеялись, а на просмотрах этих фильмов стояла гробовая тишина. И, наоборот, картина идет под гомерический смех, а мне вспоминается мрачная съёмочная группа, бесчисленное число раз снимающая один и тот же эпизод.

Кино хорошо своей популярностью. Но популярность актера, как всякая медаль, имеет свою оборотную сторону. Зрители и цирка, и театра, и кино знают и любят актера за какую-то, как правило, одну, мастерски сыгранную вещь и ждут чего-то подобного. Так

рождается страшное слово «амплуа». Это такой психологический барьер, который очень трудно перешагнуть и зрителю, и актеру.

Я ПОМНЮ смех в кинотеатре, на фильме «Глинка», когда в кадре появился Петр Алейников в роли Пушкина. В моей собственной кинобиографии был аналогичный случай, о котором мне уже приходилось однажды рассказывать. В фильме «Ко мне, Мухтар!» я играл милиционера Глазичева — человека простого, сердечного, любящего свою нелегкую профессию. И вот я первый раз смотрю картину «на зрителях». Забился на последний ряд, сижу, волнуясь. И с первыми же кадрами, как только крупно показали мое лицо, в зале раздался смех, а какой-то ушастый парень, сидевший передо мной, к стыду моему и ужасу, радостно произнес: «Во! Никулин! Сейчас чего-нибудь выдаси!» Но потом все встало на место, картина захватила зрителей, и парень, судя по ушам, переживал вместе со всеми.

Смех смехом, а на пути комика, стремящегося сыграть серьезную роль, встают большие трудности. Но сыграть такую роль очень хочется. Это, видимо, навязчивое желание любого комедийного актера, неизбежно идущего в раскритику человеческого характера от смешного к серьезному. И однажды мне повезло: режиссер Лев Кулиджанов предложил мне очень интересную работу в фильме «Когда деревья были большими». Я и удивился, и обрадовался. Спросил с недоверием: «А вы видели меня в кинокомедиях?». Кулиджанов улыбнулся: «Нет, я видел вас только в цирке». Так начиналась для меня эта интереснейшая психологическая роль. В неторопливом рассказе о жизни раскрывалась большая человеческая трагедия.

Сейчас, после фильма, можно говорить об актерском «везении». Но для меня это еще и подтверждение мысли о широких возможностях комедийного актера и современного клоуна.

СПРОСИТЕ любого актера, как начинался его путь в искусстве. И почти каждый расскажет о волнении, о мгновенно забытой роли, а может быть, и о смехе в зале. Спросите клоуна о первых шагах на арене. И он расскажет примерно то же самое, расскажет с юмором (такова уж его профессия), подтрунивая над самим собой. Только вряд ли вы услышите о зрительском смехе. Он, как и успех, приходит к клоуну не сразу.

Молодость часто бывает наивна. Нацепив рыжий парик, в огромных ботинках я выходил в номере Карандаша «Автокомбинат». Думал, что мой вид вызовет смех сам по себе. Напрасно. Никто не смеялся. «Попробуйте петь», — предложил Карандаш. Пробовал. И басом, и тенором. Эффект тот же. И тогда я, в те годы худой до неприличия, уже совершенно безнадежным голосом запел: «Закаляйся, если хочешь быть здоров». В цирке засмеялись. Первый «мой» смех, который был для меня куда ценнее аплодисментов. Для молодого клоуна смех зрителей — всегда самоцель. Но важно, чтобы клоун не заискивал перед публикой, «выдавливая» из нее улыбку. Не из-за таких ли вот горе-комиков, засидевшихся в детях, зритель порой отождествляет клоуна с его героем?

О ТЕХ первых моих шагах в цирке напоминают лишь больные ботинки. Шли годы, приходил опыт. Сложнее становились творческие задачи. Современный клоун — это не только «смехач», эксцентрик. Он стремится, как и любой настоящий актер, даже в крошечных сценках выразить свое отношение к жизни. И так же, как в жизни, в клоунских репризах рядом присутствуют и смех, и грусть, и лиризм.

Живейший интерес к человеку, его психологии перевернул принцип «смех ради смеха». Каждая клоунская реприза должна нести в себе мысль, и эта мысль, «проглоченная» зрителем вместе со смехом, остается. И тогда совсем другую реакцию вы увидите на лице человека. Может быть, грусть, может быть, печаль. С такими лицами уходят люди с фильмов Чаплина.

Я не знаю, кто еще может так смешить, как этот гениальный актер, и кто еще заставит так, как он, переживать за судьбу комедийного героя. Огромная убедительность. Чаплина, его безусловный реализм в любых сказочно-комичных ситуациях должны, мне кажется, стать ярчайшим примером для клоуна.

Конечно, не сразу главными действующими лицами в цирковой репризе стали настоящие, живые люди. Не сразу клоун научился анализировать поступки своих героев. Но то, что раньше интуитивно пробивалось в искусстве Дурова и братьев Лавровых, сегодня стало главным в советской клоунаде. Пересмыслены значение и место коверного клоуна в цирке. Коверный стал ведущим. Он ведет программу, он дает зрителям определенный настрой.

И если на старых, пожелтевших от времени афишах за огромными названиями аттракционов вы не сразу замечаете набранные мелким шрифтом фамилии клоунов, то сегодня имена Николаева и Енгиларова, Маковского и Ротмана пишут большими буквами. Я назвал несколько фамилий, их, конечно, гораздо больше — клоунов, добивавшихся порой в своих репризах настоящих, острых коллизий.

И все-таки бывает и после двадцати лет, проведенных на манеже цирка, что зритель не смеется и клоуны уходят с арены в пол-